

АННА РАДЛОВА

КОРАБЛИ

«АЛКОНОСТ»

ПЕТЕРБУРГ

1920

Анна Радлова

КОРАБЛИ

Вторая книга
СТИХОВ

«Алконост»

Петербург

1920

Серією Радлову

ВСЕЛЕНСКАЯ ВЕСНА

Старая земля, новый колос,
Старые слова, новый голос—
Хлеб, любовь, кровь.
Ныне из плена шарманки,
Слезливых глаз и блудливых сердец
Вырвался голос Ромео, Гракха и Ганнибала—
Смерть, где твое жало?
Слово, горит твой венец!

Лето 1919 г.

18 октября 1919 г.

Поющая, вопиющая, взывающая, глаголющая
орда

Кричит, бежит, куда?

Слышен многоголосый пьяный вой

— Домой, домой, домой.

Не плугом вспахана, не дождями полита,

Танками вспахана, кровью-потом полита

Земля теплая, нежная, черная.

Близко крыльями машут вороны.

— Какие цветы вырастут здесь весной?

— Все равно, бежим со мной.

Падают лошади, люди, орудия.

А крик из единой разорванной груди

— Домой, домой, домой.

— Стой!

Автомобильный звериный рык.
Несказанный, ужасный, сияющий лик.
— Михаил... с нами Михаил Архистратиг!
— Видишь в руке огненный меч?
— От сиянья бы на земь лечь.
— Город приказано уберечь.
Не река полилась вспять,
Люди пошли умирать.
Горели над Пулковом черной зарей небеса.
Снились уж раз человечеству эти глаза,
Когда в грозе и в огне
Над Европой летел, как смерч,
Корсиканец на белом коне
И спали в руках у него близнецы—Победа
и Смерть.

Весна 1920 г.

Плывут ленивей и светлее дни
И солнце медлит к западу клониться,
Стоит, как геральдическая птица,
Крыла простерши, а крыла—огни.
Беременная шествует весна,
На небе ночью виден след кровавый,
Встревоженные девушки ждут славы,
А женщины печальны и без сна.
И сердце рвется будто старый флаг,
Колеблемый ветрами и победой.
О сердце, людям песню ты поведай,
Иль песней захлебнись, последний враг.

Весна 1919 г.

Под знаком Стрельца, огненной медью
Расцветал единый Октябрь.
Вышел огромный корабль
И тенью покрыл столетья.
Стало игрушкой взятие Бастилии,
Рим, твои державные камни—пылью.
В жилах победителей волчья кровь,
С молоком волчицы всосали волчью любовь.
И в России моей, окровавленной, победной
или пленной,
Бьется трепетное сердце вселенной.

Весна 1920 года.

А. М. Ремизову

Бывают же на свете лимонные рощи,
Земля, рождающая вдоволь хлеба,
Нестерпимо теплое, фиалковое небо
И в узорчатых соборах тысячелетние, не
страшные мощи.
И гуляют там с золотыми, пустыми бубен-
чиками в груди люди.
Господи, ты самый справедливый из судей,
Зачем же судил Ты, чтобы наша жизнь была
так темна и так убога,
Что самая легкая из всех наших дорог, —
к Тебе дорога?
Почему нет у нас ни цветов, ни вина, ни
хлеба,
И над нами торчит, как черная крышка, небо?
А Бог отвечает: хмельнее вина,

Жарче огня, скрытней земли, глубже воды,
Утешнее сна,
Слаще чем все земные плоды—
Подарена вам любовь,
Теплая и соленая, как кровь.

Осень 1919 г.

Видишь, Дворцовая площадь
Нежной травой поросла,
Ветер в небе знамена полощет,
А на знаменах кровь или стертые слова.
Только знаю—слова и кровь
Прославляют нашу любовь,
И цветет любовь, как резной цветок,
На стальном, на искусном мече.
Если смерть нам судил рок,
Умереть хочу у тебя на плече.

Лето 1919 г.

Полынь—звезда взошла над нашим градом,
Губительны зеленые лучи.
Из-за решетки утреннего сада
Уж никогда не вылетят грачи.
О, не для слабой, не для робкой груди
Грозовый воздух солнц и мятежей,
И голову все ниже клонят люди,
И ветер с моря горше и свежей.
Родимым будет ветер сей поэту,
И улыбнется молодая мать —
— О, милый ветер, не шуми, не сетуй,
Ты сыну моему мешаешь спать.

Весна 1919 г.

Как корабли, обитые железной
Каймой, беспесенные плыли дни.
Был день—в груди созвездий всех огни
И зверь крылатый пел над звездной бездной.
Забытый друг вошел, и за спиной
Сиял забытый жаркий виноградник,
Где был дарован мне кифарный строй,
А жизнь была мучение и праздник.
Но как во сне кивнула я, глаза
Темней и жестче были темной стали,
Грозовые, пустые небеса,
Где нет ни воздыханья, ни печали.
Любови голос не дошел до дна—
Все человеческое бесполезно,
Я слушала, как поступью железной
Шла по земле вселенская весна.

Февраль 1920 г.

Тебе под мерзлую землю снится
Орлиных крыльев всепобедный шум,
Всех цезарей и всех героев птица
Тревожит строй твоих подземных дум.
И памятник тебе бессмертный снится
А памятник неконченный стоит,
На площади проходит вереница
Людей и дней, но ждет резца гранит.
Лишь о весне, когда запахнет тленьем
И тихое взметнется воронье,
Бесславные узнают поколенья —
Обиженное сердце здесь твое.

Январь 1919 г.

ПЕТЕРБУРГ

Улицы пустынные, как поля,
Под горячим асфальтом притихшая земля,
Дома, разрушенные людьми и пламенем —
Как пролетал над городом, вселенской тре-
вовой дыша,
Огнекрылый, огнеликий Ангел Мятежа,
Как слепил он глаза испуганным и раненым,
Как побеждали, как падали под крылатым
знаменем
Утучненная смертью не помнит земля,
Только острее запахи весной тополя
И солнечный бык златорогий,
Почуявший запах крови,
Оставил аравийские, оставил сицилийские
знойные чертоги
И, отданный новой Пазифаиной любви,
Встал над столицей, пронзает ее все дни и
все ночи,
Память о прошлом сжигает и сына проро-
чит.

Весна 1920 г.

Средь горящих, летящих зданий
Черный воздух, как черная сталь,
Сумасшедшее сердце восстаний
Старинную гонит печаль.
И летит разорванной тучей
В пьяную ветром ночь
Голос, ясный, простой и певучий—
Ветер, ветер, тебя ль превозмочь?
Когда схлынет, сгинет погоня
И зарей расцветет благодать,
На твоей горячей ладони
Будет мертвое сердце лежать.

Январь 1919 г.

Ни пестрой славы дом, ни милый дом любви
Меня уж не влекут к веселому порогу,
Я знаю новую, мощеную дорогу,
Дорогу, улицу.... как хочешь назови.
Я вижу буйный день, и площадь и трибуну,
Перед стотысячным противником пою,
Глазами темными в глаза ему смотрю,
И рвется голос мой и рву на лире струны.
Мне лира не нужна, вот грудь моя, приляг,
Мой нежный зверь, мой сын, мой неусыпный
враг.

Осень 1918 г.

Я рада, что синее ночи,
Покрылась ржавчиной сирень,
И тень вечерняя короче
И резче утренняя тень.
Благословлю пустые села
И все погасшие огни.
Нет дней печальных и веселых,
Благие наступили дни.
И памятник погибшей Славы
Уж не тревожит, не язвит —
Весь в звездах, синий, величавый
Измайловский собор стоит.

Лето 1918 г.

Т. М. Персиц

Не нужен нам покой тысячелетий,
Афинский мрамор, Дантовы слова.
На площадях, политых кровью, дети
Играют, и растет плакун—трава.
Пожрало пламя книги, боль и радость
Веселая гроза, кружись и пой!
Из рук твоих мы пьем забвенья сладость,
Бездумный и единственный покой.

Весна 1920 г.

Н О В Ы Е С О Т Ы

Есть тайные слова, рожденные в смятении,
Внимающие им не знают их значенья,
Обломки черного большого корабля
Случайно приютит холодная земля.

Лето 1918 г.

А. А. Смирнову

Как ты устало биться и неметь,
И плясуном канатным извиваться
И падать с высоты в пустую сеть,
И сердцем человеческим называться.
Все зимы, весны, зори, ночи, дни
Великого покоя ты взыскуешь,
Летают птицы и дрожат огни,
И ветры бродят, плача и ликуя.
И только в самый нежный смертный час
Ждет плясуна усталого награда,
Все небо теплое коснется глаз
И будет несказанная услада.

Там, в высоте, под куполом горит
Недвижным пламенем большое сердце,
Пригвождено к недвижной синей тверди.
О милые, нет больше черной смерти,
А над кружащейся землей царит
Вся тишина, все солнце, Божье сердце.

Осень 1918 г.

Октябрь бессолнечный, безветренная даль,
Гнилое золото—земля, а небо—сталь.
Кидаются сердца, как звери в узкой клетке,
А нежные слова медлительны и редки.
Стоит, как памятник гранитный и немой,
Моя бескрылая победа над тобой.

Осень 1919 г.

Глашатай и гонец еще немой любви
Грозный жаркий гул неугомонной крови
Гудит, звенит, поет как бы издалека,
А от пожатия уже дрожит рука
И надо мной плывет глухой и нежный голос.
Чтоб сердце темное мое не расколось,
Молитвы, Господи, я не могу начать,
Мне снится по ночам бессмертных губ печать.

Декабрь 1918 г.

Если бедное небо, пробитое звездами,
Как миллиардами миллиардов гвоздей,
Миллиарды столетий молчавшее, созданное
Чтобы зеркалом быть для стран и морей
Вдруг завоюет отчаянным неслышанным воем
На все необъятные тихие миры,—
О земля, наши слезы, которыми поим
Мы тебя, нечестивые наши пиры,
Все покажется шорохом. Но голос постылого,
Голос зовущий и проклинаящий
Встанет из черной своей могилы
И вединоборство вступит, возмездия чающий.

Лето 1918 г.

Когда я мирное изгнание покидала
Для города тревог и слишком кратких нег,
На холмах уж сгорал последний хрупкий
снег

И теплая земля подснежники рождала.
За лошадьми летел, как будто провожая,
Огромный, бурый, злой, медлительный орел,
Орел ли то живой смущал заснувший дол,
Иль птичью плоть прияв, кружила страсть
чужая?

Весна 1918 г.

АНГЕЛ ПЕСНОПЕНИЯ

Сонет

Он целовал меня в часы тревоги
И говорил мне: слушай, я пою.
Веселие душило грудь мою,
Подкашивались от волненья ноги,
И Ангел пел о море и о Боге.
Как ключевую путник пьет струю,
Его слова пила я на краю
Большой и пыльной медленной дороги.
Но ветер города горяч и груб,
Но тягостно любовное говенье,
И отвернулся Ангел Песнопенья
От соблазненных, многогрешных губ,
Меня оставил средь домов и труб
И в голубые отлетел селенья.

Лето 1918 г.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Сонет

Как позолота стертая веками,
На куполе огромного собора
Бдит солнце здесь, не ослепляя взора,
Разлитое незримыми руками,
И сот ночных расплавленное пламя
Не тронет розоперстая Аврора,
Такая ночь не скроет злого вора,
Мечтателя не укачает снами,
Не ищем мы забвения печали,
Золотоношные вдыхаем весны
И вспоминаем редко о начале,
Когда над нами не дремали сосны,
И море вторило бессильным клятвам
О чистоте и счастье непонятном.

Лето 1918 г.

Как в парнике здесь сыро и тепло,
И душно пахнут новые листочки,
И солнце кажется туманной точкой
Сквозь желтое и пыльное стекло.
Прижалась к липе вековой скворешня,
А вот скворца не видно и не жду,
Все изменилось в нынешнем году
И я как будто сделалась нездешней.
Дорогу в парк у сторожа спросила,
Потом дороги вовсе не нашла —
Ущербная любовь след замела,
Непутеводно сердце, что остыло.

Весна 1918 г.

Еще кипит живое море,
Еще крылаты корабли,
Восточные ласкают зори
Края томительной земли.
Там на песке прибрежном вечны
Волною смытые следы
Запечатлен миг быстротечный
Острее утренней звезды.
Твоя не обманула ласка
И не солгал мой черный стыд,
Порой из зеркала глядит
Моя трагическая маска.

Лето 1918 г.

Вере

Крылом задела буря наши дома,
Весна безудержная хороша,
Но ярче легкой и сухой соломы
Горит опустошенная душа.
Ее когда то захлеснули воды
И высушили ветры злой реки,
И памяти великой и свободы
Лишили бедную. Твоей руки,
О нежный друг, о Ангел Песнопенья,
С тех пор не чувствую, и тяжела
От кос ли тяжких или от смиренья
Мятежная доньне голова.

Весна 1919 г.

Желтых листьев буйное веселье
Осени бездомной новоселье,
Ветра свист в траве еще густой,
Небосвод высокий и пустой.
От травы густой, гнилой и влажной
Голос подымается протяжный,
Крыльями пушистыми шурша,
Мечется ослепшая душа.

Осень 1918 г.

ТРИОЛЕТ

Я не уйду от сладостного плена
Летучей острой нежности твоей,
И как бы ни грозила мне измена,
Я не уйду от сладостного плена,
Меня обнимет верная Камена,
Все о тебе беседуем мы с ней.
Ах, не уйти от сладостного плена
Летучей острой нежности твоей.

Лето 1918 г.

Словно голубь из Ноева ковчега
Девять месяцев блуждало письмо,
С дальнего летело, с оторванного берега,
К сердцу путь нашло само.
А мне нет дороги,
Устали ноги.
Для меня ли в небе звездный венец?
На тяжелой сердце, на звонкой цепи,
Видишь рубец?
Затянуть бы цепь, сказать бы спи,
Один конец.

Инварь. 1918 г.

Любовию тебя я не звала,
Кровь темная, что леденишь и жжешь,
Когда в меня, как в жертву тихий нож,
Вошли глаза прозрачнее стекла,
Как в этот час ты медленно текла,
Как замирала, как будила дрожь,
Кошунственную торопила ложь,
Чтоб я тебя любовью назвала,
Но мне сиял, как самоцветный камень,
Всеочищающий далекий пламень.

Лето 1918 г.

Свирель запела на мосту

А. Блок

Глаза устали в даль смотреть
И смотрят только в вышину,
Уста не могут песни петь
И любят только тишину.
Смертелен воздух снежных гор,
А небо—голубой шатер.
Там стынет медленная кровь,
Нема печаль, тиха любовь.

Осень 1918 г.

Везувия трепещущая лава,
Жар-птицы ль разметенный яркий хвост,
Всенощная заря все лето рдела,
Но тишины и тьмы просило сердце,
Тишайшее и темное. Тебя
В тиши полночной, звездами пронзенной,
Мне легче, мне нежнее вспоминать.
И каждый раз, как осенью звезда,
Беззвучно небо очертив, падет,
Я знаю снова мною пламенеет,
И падает и бьется обо мне
Твое большое раненое сердце.

Лето 1919 г.

О, промедление подобно смерти лютой,
Отсутствующий друг в любви моей неправ,
Как птицы острые летят, летят минуты,
Не оставляя нам ни радостей ни слав.
Порой усталая от длительной тревоги
Тяжелые глаза закрою, но не сплю
И вижу белый дом, две белые дороги,
На перекрестке тень бессильную твою.
Ты чуда требуешь вечернею зарею,
А с утренней зарей не веришь ничему,
Все небо милое я для тебя закрою
И тихо отойду в обещанную тьму.

Лето 1918 г.

Горящие глаза и быстрое пожатье
Руки уверенной, отрывочная речь.
Потухнет много солнц, погаснет много свеч.
Живи в веках и снах, небывшее об'ятье.

Осень 1919 г.

Ты—благодать и ты—горчайший жребий
Испепеляющий музийский дар, —
Смотреть, как милый дом об'ял пожар,
И любоваться отблеском на небе.

Лето 1918 г.

Сердце тяжелое от мук
Чутко на всякий звук,
Автомобильный гудит ли рожок,
На площади вождь говорит иль пророк,
Или ночью заплачет ребенок
Или мартовский дождик слишком звонок,---
Насторожится сердце и ждет,
Может быть добрая смерть запоет.

Весна 1920 г.

О нет, не милою твоей, не другом
Внимательным мне быть, а только птицей,
Что бьется, верная, в твоей груди,
Земля забыта, небо позади
Забыто птичье. Лишь твоим недугом
Живу в сей тесной сладостной темнице.

Лето 1918 г.

Земных имен тебе я не давала
Но Ангелом Тревоги назвала,
Когда из черной мглы мне засияла
Твоих очей предутренняя мгла,
Давно звенел во мне твой голос жесткий,
Я видела явленную страну,
Но не ждала тебя на перекрестке,
Где снов и лиц волна сметет волну.
Не надо знать, кого любил доныне,
Кого ты поцелуешь в эту ночь —
Не до любви в моей сухой пустыне,
Ты только дождь и ветер мне пророчь.

Я буду знать—цветёт твоя тревога,
Сестра моей тревоги неживой,
Но в час заката будет нам покой
И в небо уходящая дорога.

Декабрь 1918 г.

Как цветок иль плод благоуханна
Нежная далекая земля,
Где в изгнании мой друг желанный
Ветрам пропоет о клятве данной
И зверям расскажет про меня.
Сердце друг лозой повил и хмелем,
За звездой идет он на восток
К славе горькой, к горькому веселью
И его пастушеской свирели
Тихо вторит птица—Рок.

Осень 1919 г.

Там море шелестит, как древний свиток,
Дозором ходит южная луна.
Друг до последнего вкушает дна
Молчания отравленный напиток.
О, слишком кратки были наши встречи,
И скуп условный важный разговор.
Я ничего не знала бы, но взор
Мне выдал то, что скрыть пытались речи.

Весна 1918 г.

Не шестикрылою, надменною мечтой,
Не музой ласковой бессмертной и слепой
Я прихожу к тебе, глаза мои открыты
На землю черную, а небо позабыто.
Смотри, смотри в глаза, в них все погребено,
Гостеприимное и вязкое там дно.
Огня любви не жди, болотное мерцанье
Обманет страсть твою и годы ожидания.

Лето 1919 г.

Последние дни все думаю о смерти,
И ночью незванная гостья снится,
То руками холодными сожмет мне сердце,
То ластится большой и ручною птицей.
Умру—буду думать о двух водоемах,
Зеленых, глубоких, больших, знакомых,
Где моя радость купалась и пела,
Пока душа не разбила тела.

Весна 1920 г.

Безумным табуном неслись года—
Они зачтутся Богом за столетья—
Нагая смерть гуляла без стыда,
И разучились улыбаться дети.
И мы узнали меру всех вещей,
И стала смерть единственным мерилом
Любови окрыленной иль бескрылой
И о любви суетных речей.
А сердце—горестный «Титаник» новый
В Атлантовых почует глубинах,
И корабли над ним плывут в оковах,
В бронях тяжелых и тяжелых снах.
Земля, нежнейшая звезда Господня,
Забвенья нет в твоих морях глухих,
Покоя нет в твоих садах густых,
В червонных зорях,—но в ночи бесплодной
Взлетает стих, как лезвие, холодный.

Лето 1920 г.

Оглавление

Вселенная весна

	СТР.
Старая земля, новый колос	9
18 октября 1919 г.	10
Плывут ленивей	12
Под знаком Стрельца	13
Бывают же на свете	14
Видишь, Дворцовая площадь	16
Полынь—звезда	17
Как корабли, обитые железной	18
Тебе под мерзлую землю	19
Петербург	20
Средь горящих, летящих зданий	21
Ни пестрой славы дом	22
Я рада, что синее ночи	23
Не нужен нам покой	24

Новые Соты

Есть тайные слова	27
Как ты устало биться	28
Октябрь бессолнечный	30
Глашатай и гонец	31
Если бедное небо	32
Когда я мирное изгнание	33

Ангел песнопенья.	34
Белая ночь.	35
Как в парнике.	36
Еще кипит живое море.	37
Крылом задела буря.	38
Желтых листьев.	39
Триолет.	40
Словно голубь.	41
Любовню тебя я не звала.	42
Глаза устали.	43
Везувия трепещущая лава.	44
О, промедление.	45
Горящие глаза.	46
Ты—благодать.	47
Сердце тяжелое от мук.	48
О нет, не милою твоей.	49
Земных имен.	50
Как цветок иль плод.	52
Там море шелестит.	53
Не шестикрылою, падменною мечтой.	54
Последние дни.	55
Безумным табуном неслись года.	56

Того же автора.

Соты. Книга стихов. Изд. Фиаметта. Птгр.
1918. (*Распродано*).

КАТАЛОГ

Книгоиздательства „АЛКОНОСТ“

АЛЕКСАНДР БЛОК

- „Соловьиный сад“. (*Распродано*).
- „Двенадцать“ с рис. Ю. Анненкова. (2-е и 3-е изд. (*Распродано*)).
- „Катилина“. (*Распродано*).
- „Россия и Интеллигенция“.
- „Ямбы“. Современн. стихи.
- „Песня Судьбы“. Драматическая поэма.
- „Молнии искусства“. (*Готовится*).
- „Седое утро“. Пятый сборник стихов.
- „Рамзес“. Картина из египетской жизни. (*Печатается*).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

- Христос Воскрес. (*Распродано*).
- „Королева и Рыцари“. Сказки.
- „На перевале“.
1. Кризис жизни. (*Распродано*).
 2. Кризис мысли. (*Распродано*).
 3. Кризис культуры.
 4. Кризис слова. (*Готовится*).

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

- „Младенчество“. (*Распродано*).
- „Прометей“ Трагедия.

„Человек“. (*Готовится*).

„Скрябин“. (*Готовится*).

„ЗАПИСКИ МЕЧТАТЕЛЕЙ“

Журнал, посвящ. литературе и искусству, при участии Александра Блока, Андрея Белого, Вячеслава Иванова, Алексея Ремизова, Вс. Э. Мейерхольда, Конст. Эрберга, Иванова-Разумника, Н. Э. Радлова, В. Зоргенфрея, М. В. Сабашниковой, М. О. Гершензона, Н. А. Шапошникова, С. Г. Каплуна и др. (№ 2 *Печатается*).

Л. Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ

„Нѣтъ!“ Рассказы. Посмертн. изд. под ред. Вячеслава Иванова. (*Распродано*).

„Певучий осел“. (*Готовится*).

„Лирическое в прозе и стихах“. (*Готовится*).

АЛЕКСЕЙ КИРИЛЛОВ

„Записки Всеволода Николаевича“. (*Распродано*).

ИВАНОВ-РАЗУМНИК

„Александр Блок, Андрей Белый“. (*Распродано*).

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

„Сибирский пряник“. Сказки. (*Распродано*).

„Электрон“.

„Царь Максимилиан“. Театр.

„Заветные сказы“. Изд. по подписке. (*Печатается*).

„Кавказский чурек“. Сказки. (*Готовится*).
„Крашенные рыла“. О театре. (*Готовится*).

КОНСТ. ЭРБЕРГ

„Цель творчества“.
„Плен“. Сборник стихов.

ВИКТОР ГЮГО

„Легенда о прекрасном Пекопене и о прекрасной
Большур“. Перев. А. Кублицкой-Пиотух с
предисл. Александра Блока.

КОНРАД-ФЕРДИНАНД МЕЙЕР

Лирика. Перевод. А. В. Луначарского.

ИСКУССТВО СТАРОЕ И НОВОЕ

Сборник статей под. ред. Конст. Эрберга.
(*Печатается*).

ВЛ. ПЯСТ

„Поэма в нонах“. (*Печатается*).
„Рукопись Хлябина“. (*Готовится*).

АННА РАДЛОВА

„Корабли“. Сборник стихов.

НАДЕЖДА ПАВЛОВИЧ

„Серафим“ Поэма. (*Печатается*).

В. ЗОРГЕНФРЕЙ

Сборник стихов. (*Готовится*).

ВЛ. КНЯЖНИН

Сборник стихов. (*Готовится*).

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ

„Ход коня“. Сборник статей. (*Готовится*).